

This page contains the following errors:

error on line 102 at column 49: Opening and ending tag mismatch: strong line 0 and p

Below is a rendering of the page up to the first error.

body {font-family : "Times New Roman", Times, serif; color:#000000; line-height: 1.5;}
.p {text-align:justify; margin-bottom:0.5em;}
religion_rel
Неизвестный автор
Семь слов Спасителя на Кресте
ru ru lib.pravmir.ru http://lib.pravmir.ru Itcms4 (c) itmedia.by 2012-01-16 http://lib.pravmir.ru/library/book/126 de7ea207-308f-49b7-9c9c-b197fa517896 2.0
Книга "Иисус Христос на Голгофе, или Семь слов Его на Кресте" была заслуженно любима в дореволюционной России, переиздаваясь множество раз. В сжатой, но емкой форме в ней раскрывается духовный смысл голгофских страданий Спасителя, показана Его неиссякающая любовь к роду человеческому, несмотря на бесчисленное множество людских грехов. Текст адаптирован и переставлен для современного читателя. Место Лобное рай бысть: точно бо водрузило древо крестное, абие израсти грозд животный, Тебе, Спасе!
Седален в понедельник, на утрени Во время земной жизни нашего Спасителя перед западной стеной Иерусалима располагалась небольшая гора круглой формы. Расстояние от городской стены до подошвы горы было около ста шагов и столько же от подошвы до вершины, подъем на которую был крутым и трудным. Эта гора - ныне известная всей вселенной Голгофа. Здесь обычно казнили преступников, распиная их на кресте. В самой горе имелась пещера, где осужденные ожидали своей участи. С востока к Голгофе примыкала площадь, куда собирался народ на зрелище казней; с запада были сады, один из которых принадлежал упоминаемому в Евангелии Иосифу Аримафейскому (Мф. 27, 59-60; Ин. 19, 41). С северо-запада за Голгофой начиналась так называемая юдоль мертвых и пепела (Иер. 31, 40) - глубокая лощина, куда бросали и орудия казни, и тела казненных. А с юго-запада проходила дорога в Иерусалим чрез ворота Судные, названные словно в ознаменование того, что ими пройдет когда-то Судия, Который совершит суд миру сему и князя мира сего изгонит вон (Ин. 12, 31). "Голгофа" - слово еврейское. По объяснению евангелистов (Мф. 27, 33; Мк. 15, 22; Ин. 19, 17), слово это означает Лобное место. Одни думают, что название это произошло от сходства этой горы с человеческим черепом; другие указывают, что на Голгофе и вокруг нее было разбросано множество черепов и костей казненных здесь преступников. Но большинство Святых Отцов и Учителей Церкви, основываясь на древнем предании, считают, что Голгофа называется так потому, что здесь была погребена глава (лоб) Адама и позднее над ней воздвигнут был Крест Иисуса Христа, второго Адама. Поэтому существующая в христианской Церкви традиция изображать у подножия Креста Господня человеческий череп имеет глубокий историчекий смысл. Это не только символ, а еще и рассказ о действительном событии, о деле Божиего восстановления павшего человека. Ибо, по слову Василия Великого, на Лобном месте, где тление и смерть людей через Адама получили свое начало, началась и новая жизнь всего человечества в Царствии Небесном через Искупителя и Спасителя. Так Голгофа, которая издревле была юдолью мертвых, сделалась местом вечной жизни и нетления. Бесспорно, вообще вся Палестина есть земля чудес, земля благая и святая, но лишь Голгофа удостоилась быть жертвенником при заклинании Агнца Божия и приняла на лицо свое Его честную и животворящую Кровь. Святая Церковь не напрасно называет Голгофу раем, в котором водрузилось древо крестное, произрастившее плод жизни - своего Спасителя. Образ Христа, начертанный евангелистами, всегда освещен светом величия и красоты. Почивает ли Богомладенец в Вифлеемских яслях, погружается ли в воды Иордана для Крещения, входит ли как царь в Иерусалим в Вербное воскресенье, изгоняет ли торгующих из храма Божиего - везде Его Божественная сущность озаряет все дела Его человеческой природы. Но нигде и никогда Сын Человеческий не является в таком сиянии величия и красоты, как на Голгофе, во время Своих крестных страданий. Именно на Голгофе крестная жертва Христова примирила Небо с землей. Приникнем же благоговейной мыслью к таинственному зрелищу страданий Господних на Голгофе и вспомним совершившееся здесь событие. Представим себе то, что наверху казнили нас чувства и тронуло сердце, и постараемся хотя бы кратко объяснить те знаменательные семь слов Спасителя, которые Он произнес на Кресте в последние минуты Своей земной жизни. Первое слово Спасителя на Кресте Святое Евангелие так говорит об осуждении Иисуса Христа на распятие: "Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион составили совещание и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату. ... Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие. ... И привели Его на место Голгофу, что значит: Лобное место" (Мк. 15; 1, 15, 22). Осудить на позорную смерть такого Человека, Который в продолжение всей Своей жизни оказывал людям бесчисленное множество благодеяний; Который прославился многими знамениями и чудесами; о Котором шла всенародная молва, что Он Мессия и Сын Божий, - все это было само по себе неслыханным злодеянием. И однако злодеяние это совершилось. Судьей на этом суде был нечестивейший из всех судей в мире - Понтий Пилат, римский правитель Иудеи. Подсудимым - невиннейший из всех страдальцев - Христос. ...Чем беззаконнее приговор любого суда по существу, тем, обычно, больше стараются о соблюдении внешних признаков законности, желая оградить себя от нареканий потомков и угрязнений собственной совести. Точно так же вел себя и Пилат. Ведь дело касалось участи знаменитого Подсудимого. Законы римские были строги, и их нарушение могло навлечь на Пилата немилость кесаря. Поэтому надо было действовать осмотрительно, строго соблюдая форму судопроизводства. Пилат несколько раз допрашивал Иисуса и, не находя в Нем никакой вины против римского закона, всякий раз искал оснований, чтобы отпустить Его. Прокуратор допрашивал несколько раз и Иисусовых обвинителей, каждый раз склоняя их в пользу Обвиняемого. Но ничто не помогало, и волнение усиливалось: Пилата начали подозревать в пристрастии к Подсудимому. Стесняемый обстоятельствами, злополучный правитель Иудеи прибег к последнему оставшемуся у него средству. Для успокоения встревоженной совести и для оправдания перед всеми своего кажущегося беспристрастия он потребовал воды и умыл перед народом руки, сказав: "Невиннен я в крови Праведника Сего; смотрите вы" (Мф. 27, 24). Приговор, которого, по римскому законодательству, требовало любое судопроизводство, был произнесен над Иисусом во дворце Пилата, на судном месте, которое называется в Евангелии Лифостротон, а по-еврейски - Гаввафа. Церковное предание сохранило даже и слова приговора: "Иисуса Назарянина, человека мятежного, презрителя кесаря, как доказано старейшинами Его народа, отведите посреди двух разбойников на обычное место казни и, за посмеяние царского величия, между двух разбойников ко кресту пригвоздите. Ступай, палач, приготовь кресты!". Итак, смертный приговор был объявлен, и оставалось только одно - исполнить его... Пилат, как мы видим, напрасно умывал свои руки: он умывал их не от крови, а в крови Праведника. Своим беззаконным приговором он, как говорил премудрый Соломон, лишь утвердил беззаконное слово, которое "неправо умтвующие говорили сами в себе: ?...Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, ... объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами - обличение помыслов наших. ... Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; ибо если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет?. Так они умтвовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их..." (Прем. 2; 1, 12-14, 17-21). С Лифостротона, который находился на возвышении, измученный и поруганный Сын Человеческий был выведен на улицу, чтобы идти на Голгофу. Здесь уже ожидал Его Крест; два разбойника, приговоренные вместе с Иисусом, стояли здесь же со своими крестами. Агнец Божий, принесенный в жертву от слоения мира, должен был Сам, как когда-то Исаак, нести крестное древо для Своего всесожжения. И вот вся процессия двинулась по улице, которая с той поры получила название Страстной, или Крестный, путь. В первый раз Спаситель споткнулся и упал под тяжестью Своего Креста, пройдя примерно сто шагов от дворца Пилата. Не имевший покоя ни на минуту уже около суток, подвергаемый допросам, издевательствам, избияниям и бичеванию, Иисус, пройдя еще некоторое расстояние, упал во второй раз и не мог идти дальше. Палачи озлобились. Они начали бить и пинать Страдальца. И все же Он не мог больше нести Своего Креста. Нужно было возложить Крест на кого-то другого. Но кто мог добровольно согласиться нести это позорное, по тогдашним понятиям, орудие казни? Сами палачи этого делать не собирались. Из евреев никто не мог даже прикоснуться к этому "нечистому дереву", чтобы не осквернить себя. Эта непредвиденная задержка, конечно же, привела исполнителей казни в ярость. Но когда человеческие силы доходят до последних пределов и иссякают - приходит на помощь Промысл Божий. Так случилось и здесь. Чтобы помочь изнемогшему Крестоносцу и предотвратить новые поругания над Ним, вдруг появился человек, более всего подходивший для этого. Это был чужестранец по имени Симон, родом из Кириanei. Его остановили и велели нести Крест. Он отказывался поскольку и ему эта ноша казалась позорной. Но с ним можно было не церемониться и применить силу принуждения И потому "сего заставили нести крест Его" (Мф. 27, 32). Итак, один из тех, которые были "отлучены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники" (Еф. 2, 12), вдруг неожиданно сделался счастливейшим из людей, разделив с Самим Господом тяжесть Его Креста. Возвращаясь со своего поля, Симон явился званым на брак, стал символом призвания всех язычников к наследованию Царствия Небесного, Через это переложение Креста с ramen Искупителя на плечи Симона как будто переходила полнота всех таинств от "чад плотских к чадам духовным". В эти минуты "дщери иерусалимские" стояли вокруг и плакали, глядя на страдания Мужа скорбей. Эти слезы были естественным выражением жалости. Но они запоздали. Плакать теперь надо было уже не о Том, Чья участь была решена, и не теми слезами, которые порождаются чувствительностью. Нет, нужны были горькие и кровавые слезы глубокого сокрушения о том, что Иерусалим не понял, не узнал своего великого дня. Нужен был плач, подобный плачу Иеремии об опустелом Иерусалиме: "Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником" (Плач 1, 1). Да, теперь нужно было плакать о себе и своих детях. Сколько раз всем жителям Иерусалима были повторены слова: "Ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма" (Ин. 12, 35). Но они не хотели слышать этих слов. Чада Сиона не захотели узнать кроткого и благодатного посещения Божия. Теперь приближалось время, когда Господь должен был прийти в другом виде - величественном и грозном. И вот, обратившись к Иерусалиму, Спаситель в последний раз произнес слова, которые вскоре должны были исполниться во всем своем страшном величии: "Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!" (Лк. 23, 28-29). Да, совсем недолго было до наступления тех страшных времен, когда многочисленные будут с завистью смотреть на бездетных; когда матери увидят в своих чадах не благословенный плод своего чрева, а пищу для своего насыщения... "Тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?" (Лк. 23, 30-31). После этих слов путь продолжали. Через некоторое время одна женщина, жившая в доме прямо у Крестного пути, подошла ко Господу и отерла Его окровавленный лик полотенцем. Предание сохранило имя этой женщины - Вероника. Еще сто шагов трудного пути - и вот, наконец, знаменитые Судные ворота... Сын Человеческий, избранный и измученный, веден был теперь из города вон, к месту казни. Виноградари давно стоворились убить Наследника вна виноградника (см.: Мф. 21, 38-39). Но тут совершалось, конечно, дело Промысла Божия, По закону Моисееву, было положено определенных животных изгонять вон из стана или из города, исповедовав над ними грехи народа. Тела же других жертвенных животных сжигали и тоже вне стана. Но в чем был смысл переложения грехов народа на невинное, в сущности, домашнее животное? И почему приносить его в жертву надо было обязательно вне стана, вне города? Тысячи лет эти вопросы оставались без ответа, но вот сегодня, в день крестной казни Спасителя, открывался наконец глубинный смысл этих установлений: "Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира" (Ин. 1, 29). "Так как тела животных, которых кровь для очищения греха вносит первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, - то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат" (Евр. 13, 11-12). Да, наконец открывалось, что все жертвенные животные в течение долгих веков прообразовывали главную Жертву, умиловляющую правосудие Господне - Агнца Божия, взявшего на Себя все грехи мира... Праведник шел на Голгофу не один - с Ним вели двух злодеев-разбойников. Так "сбылось слово Писания: и к злодеям причтен" (Мк. 15, 28). Кем были эти злодеи - известно немного. Точнее, известно лишь об одном. В нашей Церкви существует древнее предание, что на пути в Египет, во время бегства Святого Семейства, на него напали разбойники, чтобы ограбить. Но один из них, увидев удивительную красоту Младенца Иисуса, изумился и сказал: "Если бы Сам Бог принял на Себя образ человеческий, Он не мог бы явиться прекраснее этого Младенца!". После этого он запретил своим товарищам хоть как-то оскорбить путников. Тогда Пречистая Матерь ответила разбойнику: "Знай, что этот Младенец за то, что ты сегодня сохранил Его, заплатит тебе великой наградой!". Вот этот-то благоразумный разбойник и шел теперь вместе с Иисусом... Но вот наконец Страстной путь был пройден, Иисус и разбойники возведены были на Голгофу. Спасителя посадили в пещеру, находившуюся в скале Голгофы, и стерегли. Исполнители же казни занялись приготовлением ее. Одни на самой вершине Голгофы рыли яму для водружения Креста, другие готовили сам Крест. Крест, на котором готовились распять Господа Иисуса Христа, был, в главных существенных частях своих, четырехконечным и состоял из прямого столба и перекладины. Каковы были размеры Креста - сейчас достоверно не известно. Судебный порядок римлян требовал, чтобы на распинаемого на кресте была возложена надпись. В ней обозначались имя, происхождение и состав преступления приговоренного. Надпись эту ставили на кресте поверх головы распятого. Так было сделано и сейчас. На белой дощечке черными чернилами была написана вина Иисуса. "И была над Ним надпись, написанная словами греческими, римскими и еврейскими: Сей есть Царь Иудейский" (Лк. 23, 38). Вина, выставленная Иисусу его обвинителями, была совершенно невинной. Впрочем, иначе не могло и быть. Ведь если судить по самому строгому (но беспристрастному) суду человеческого, то какую вину можно было найти в Сыне Человеческом, Который "не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его"? (1 Петр. 2, 22). Ведь даже сам язычник Пилат, как ни был глух ко внушениям истины, неоднократно пытался оправдать воплощенную Истину и других склонял к тому же. Он не мог не видеть, что первосвященники и фарисеи клеветали на Иисуса, что Подсудимый абсолютно невиновен и не заслуживает наказания. Потому Пилат и не мог ничего сказать о Спасителе, кроме того, что сказал. Но, с другой стороны, через эту надпись Пилат, сам того не зная, провозглашал высочайшую истину. Ведь Иисус Назарянин - был именно Мессией, Царем Израильским, Сыном Божиим. Впрочем, составляя надпись, римский прокуратор мстил упрямым иудеям за то, что они своим открытым противоречием оскорбили его самого. Называя Иисуса Царем Иудейским, Пилат теперь, в свою очередь, оскорблял их. А для того, чтобы это оскорбление и этот позор были ошутимее, Пилат сделал эту надпись не на одном языке, а на трех, самых распространенных в тогдашней Иудее - еврейском, греческом и римском. Итак, Крест был готов. Господа вывели из пещеры, в которой Он находился. Он ожидал Своей казни на том месте, где должен был вознестись Его Крест. Осужденным на распятие, по обычаю, перед казнью должны были дать вино. Этот обычай родился из чувства человеколюбия и сострадания. Соломон, среди других своих наставлений, оставил и следующее: "Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душею; пусть он выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании" (Притч. 31, 6-7). Благочестивые из иудеев строго соблюдали это завещание Премудрого по отношению к больным и несчастным; особенно ревностно они исполняли его по отношению к осужденным на казнь преступникам. Поэтому на место казни всегда приносили вино, смешанное со смирной и другими ароматическими веществами. Это вино не только подкрепляло на какое-то время силы, но еще и помрачало сознание. При ужасах смертной казни вино притупляло страх смерти и невыносимые страдания. Кроме вина, давали осужденным еще и уксус. И вино, и уксус поднесли теперь Господу. Впрочем, Его ненавистники не удержались от нового глумления над Ним: уксус еще и смешали с желчью. Когда Иисусу подали уксус с желчью, Он, "отведав, не хотел пить" (Мф. 27, 34). Вина же не захотел и пригубить. Даже если бы это вино подавала Господу рука сострадательного и доброго человека, чтобы подкрепить Его силы и притупить чувство крестных страданий, то и тогда Господь вряд ли порадовался бы этой чаше, вряд ли принял бы ее. Потому что Он хотел с полным сознанием испить чашу скорбей и страданий за род человеческий. Ведь именно ради человека "Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни" (Ис. 53, 3). К тому же еще за день перед тем Он сказал своим ученикам: "Отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего" (Мф. 26, 29). Итак, теперь оставалось только возложить Агнца Божия на древо, чтобы заковать Его. И вот Иисуса взяли, положили на Крест и распяли... Как были растянуты руки и ноги, как были пробиты они гвоздями, как брызнула из ран кровь, испустил ли при этом Сын Человеческий стон - об этом молчит Евангелие, молчит Предание... Теперь надо было поднять Крест. Какие боли должен был испытывать при этом Спаситель - невозможно даже представить... Агнец Божий был вознесен теперь с Крестом и на Кресте. Настала минута торжественного молчания. Посреди земли было водружено новое древо жизни, древо нашего спасения. Язы Господа изливали на землю четыре струи Крови, как священные реки, орошающие землю и делающие ее раем Нового Адама. Весь мир поражен был новым невиданным зрелищем: Господь возносился на Крест ради нашего спасения. Даже ад с ужасом почувствовал удар крестного древа, вознзшегося в скалу Голгофы, и с яростью начал изрыгать новые хулы против Богочеловека. Вокруг Креста собралось множество народа. Всех их останавливало скорбное зрелище: "...все проходящие путем! взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как Моя болезнь?.." (Плач 1, 12). Тут же находились первосвященники, книжники и фарисеи. Но эти, едва взглянув на Крест, впали в еще большее озлобление. Искусленные в делах тьмы иудейские первосвященники, прочитав надпись, поняли тайную месть Пилата, постигли позор, которому подверглись так всенародно, перед целой Палестиной, перед всем миром. Ведь Крест с распятым Царем Иудейским будет стоять возле Иерусалима, и каждый прохожий прочтет эту надпись. Иудей - с негодованием на свою власть, так всенародно оскорбившую чувство народной гордости и "независимости, да и сам титул Царя Иудейского; язычник - с насмешкой над безумием иудеев, распявших своего Царя. В смущении первосвященники начали просить Пилата о перемене надписи. Перемена эта была, на первый взгляд, простой и малозначашей."Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский" (Ин. 19, 21). Если бы было написано так, как они хотели, то весь позор этого приговора и этой казни пал бы на Самого Иисуса, как на обманщика и самозванца. И это, конечно, усилило бы всеобщее негодование против Него, радуя Его врагов. Но Пилат, уже сделавший столько уступок вопреки своим убеждениям, теперь радостно видел, что достиг наконец своей цели и не собирался больше уступать. "Что я написал, то написал" (Ин. 19, 22), - отвечал он первосвященникам с надменностью римлянина. Иудеям приходилось уступить решительности Пилата. Но его отказ только усугубил злобу врагов Господних, и они с новой яростью начали издеваться над Спасителем. Над Ним издевались проходящие мимо (которые, может быть, видели Его впервые в жизни!), издевалась толпа, которая не знала от Него ничего, кроме бесчисленных благодеяний, издевались римские воины, совершающие эту беспримерную казнь. Все они, увлекаясь злобой и ненавистью, начали хулить уже не только своего Мессию, Царя и Господа, но и Самого Бога Отца. Издевались над Господом даже распятые рядом с Ним злодеи. А на Голгофской площади, под самыми стопами Спасителя, совершалась тайна исполнения еще одного ветхозаветного пророчества. Царь Давид, провидя эту тайну, описал ее в одном из своих псалмов: "...делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий" (Пс. 21, 19). Как именно разделены были эти ризы - лоскутами или цельными частями - неизвестно. Но хитон, нижняя одежда, был не шитым, а тканым и поэтому, разорванный на части, уже ни к чему бы не годился. Потому-то воины пожалели рвать его на части и бросили о нем жребий. Кончив дележ, они сели возле Распятого и стерегли Его. ...Что теперь делал, о чем подумал наш Спаситель? Даже пригвожденный ко Кресту, Он был занят тем же, чем был занят во все дни Своей жизни, - Он молился к Отцу Небесному со слезами: "...Скопиче злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий" (Пс. 21, 17-19)... Да, Господь ясно сознавал всю ту злобу и ненависть, которую мир, в своем ослеплении, изливал на своего Спасителя. Но что Он просил у Отца Небесного для оскорбляющих Его людей? Распятый? Возмездия? Хотя бы правосудия?.. "Отче! прости им, ибо не знают, что делают" (Лк, 23, 34). Итак, Он просил милости для убивавших Его безумцев; Он просил прощения для издевающихся над Ним. И это было первое слово нашего Искупителя, сказанное Им на Кресте. Первое Его предсмертное завещание каждому Его последователю, каждому страдальцу и всему миру...